

Настя Орлова

Люблю.
Не ненавижу

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Иллюстрация на переплете *Натальи Сорокиной (jwitless)*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Орлова, Настя.

О-66   Люблю. Ненавижу : роман / Настя Орлова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211090-0

Пять лет назад Илья исчез из моей жизни, оставив после себя лишь обиду, злость и множество вопросов. Я была уверена, что ненавижу его. За то, что он отнял у меня отца. За то, что нарушил мой покой. За то, что однажды просто ушел, не сказав ни слова.

А теперь Илья вернулся.

Повзрослевший, холодный и по-прежнему невыносимый. Он смотрит на меня так, будто помнит все, что я сама отчаянно пытаюсь забыть. Между нами снова вспыхивают ссоры, обиды и чувства, которым нельзя дать волю.

Он мой сводный брат. Моя самая болезненная тайна. Моя запретная любовь. И иногда мне кажется, что моя единственная надежда на счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлова Н., текст, 2026

ISBN 978-5-04-211090-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Аня

Мой день начинается в семь утра с беспардонного жужжания мобильного на прикроватной тумбе. Жужжания настойчивого и повторяющегося — шанса проигнорировать вызов просто нет.

— Анют, привет! Выручай, — звучит в динамике неоправданно бодрый для раннего утра голос отца, стоит мне поднести телефон к уху. — Очень нужны документы из сейфа в доме. Позвонишь, когда будешь на месте, я тебе код продиктую.

— Пап, насколько срочно? — мямлю в ответ, отчаянно пытаюсь проснуться.

Накануне я сдала финальный экзамен летней сессии, и мы с девчонками отметили это громкой вечеринкой в клубе. И хотя я почти не пила, в свою квартиру попала уже на рассвете — следила, чтобы мои захмелевшие подруги благополучно разъехались по домам.

— Срочно, Анют. Неожиданно нашелся покупатель на участок в Голицыно. А оказалось, что кое-какие документы я в Москве оставил. Заодно

попрошу тебя старые выписки Варюши сфотографировать. Нашли хорошего кардиолога в Сочи, хотим записаться на прием. Ее карта и результаты последних анализов у нас с собой, но Марина хочет весь пакет собрать, чтобы врач в динамике посмотрел. — Отец вздыхает. — Мы не хотели тебя дергать, знаем, что у тебя сессия, но Илья трубку не берет. А доверять код от сейфа чужим людям не хотелось бы.

При упоминании имени сводного брата мое сердце привычно пропускает удар, но я быстро гашу этот признак эмоциональной слабости. Хватит. Все в прошлом. У него все прекрасно, и ему давно нет дела до старых обид. Иначе за четыре года, которые прошли с момента нашей последней встречи, он бы как-то себя проявил, правда?

— Ладно, пап. Я сейчас соберусь и поеду. Передавай Марине и Варюше привет.

Сбросив звонок, несколько минут рассеянно гипнотизирую потолок в спальне. Отец подарил мне двухкомнатную квартиру в центре столицы на восемнадцатилетие, чтобы я, поступив в университет, не моталась из Подмоскovie в город и обратно каждый день. Вроде бы это только вчера было, а по факту через пару недель буду отмечать второй год самостоятельной жизни. Как летит время...

Сладко зевнув, заставляю себя подняться с постели. Искушение отключить телефон и поспать

еще полчаса чересчур сильно, но просьба отца не позволяет мне поступить таким образом. В конце концов, речь идет о здоровье моей трехлетней сестренки, которую в нашей странной семье обожают все без исключения.

У Вари, которая родилась у отца в браке с Мариной, врожденный порок сердца. Чтобы малышка дышала свежим морским воздухом и росла подальше от московской суеты и инфекций, пару лет назад папа купил апартаменты на побережье. В первый год они поехали туда на зимовку и так прониклись атмосферой курортного города, климатом и обновленной постолимпийской инфраструктурой, что теперь бывают на юге едва ли не чаще, чем в Москве. Если бы не столичный бизнес отца, наверное, переехали бы окончательно.

Наспех принимаю душ, собираю волосы в хвост на затылке и, натянув любимые джинсы и футболку, выбегаю из квартиры. Если повезет и не встряну до Новорижского в пробку, смогу вернуться обратно к обеду и еще немного посплю, до того как активизируются подружки. Мы с ними вечером собирались сходить на новый арт-хаусный фильм в летний кинотеатр.

Навигатор в машине показывает, что до родительского дома на Новой Риге ехать пятьдесят минут. Когда-то я жила там с мамой и папой, но восемь лет назад мама умерла, а папа со временем нашел ей замену. Так в моей жизни появ-

вилась мачеха Марина, как позже выяснилось, не злая, а очень даже хорошая, и сводный брат Илья.

Несмотря на комфортную температуру в салоне, тело пробирает озноб, когда в памяти всплывают мучительно-яркие воспоминания из далекого прошлого.

Я была трудным подростком: конфликтным, дерзким, отчаянно жаждущим внимания, которое не получала ни от вечно занятого бизнесом отца, ни от матери, проводящей большую часть года на заграничных ретритах. Тогда я еще не знала, что у мамы была онкология, которую пытались вылечить в европейских клиниках, а папа справлялся как мог. Но даже теперь, спустя много лет, считаю, что родители не имели права утаивать от меня жестокую правду о болезни.

Когда мамы не стало, мы с папой стали близки как никогда. Но, погоревав несколько месяцев, он с головой ушел в работу и, как оказалось позднее, в новые отношения. А я снова слетела с катушек: прогуливала школу, начала курить и выпивать. И то, что отец через полтора года после смерти мамы женился на своей школьной пассии Марине Муромской и привел в наш дом ее и ее сына, который был старше меня на четыре года, ситуацию не улучшило.

Тот самый сын, Илья, оказался моей полной противоположностью. Я была мелкой коротышкой, он — плечистым великаном. Мои волосы от-

ливали бронзой, его были темнее воронова крыла. Я всегда росла в достатке, они с матерью долгое время едва сводили концы с концами. Я училась в частной британской школе, перебиваясь с двоек на тройки, он — на первом курсе университета, куда поступил на бюджет по результатам блестяще сданного ЕГЭ. Отца вызывали в школу, чтобы пожаловаться на мое поведение, матери Ильи вручали благодарственные грамоты за успехи сына. У меня почти не было друзей, он был душой компании. Я после школы болталась без дела, он, закончив учебу, играл в университетской команде по волейболу и подрабатывал на автосервисе. Я была обычной и скучной, он — абсолютно исключительным во всем и для всех. Под одной крышей мы провели всего три месяца, каждый день из которых был для меня пыткой и напоминанием, что в собственном доме я стала лишней. Отец, который всегда мечтал о сыне, души не чаял в Илье. А я... Тогда мне казалось, что я просто никому не нужна.

Это сейчас я понимаю, что вела себя ужасно, что сама выстраивала стену в отношениях с папой, что ревность к мачехе и ее сыну застилала мне глаза, но в четырнадцать мне казалось, что я осталась один на один со своим горем — без матери и почти без отца, которого больше интересовала новая семья, чем непутевая дочь.

«Через триста метров поверните налево, а потом поверните направо».

Механический голос навигатора вырывает меня из омута воспоминаний. Я сбрасываю скорость. Делаю погромче звук в динамиках. Пытаюсь подпевать популярному хиту, чтобы вытеснить из головы тяжелые мысли. С чего вообще упоминание сводного брата в беседе с отцом лишило меня покоя? Да, с Ильей мы не виделись уже очень давно, но его имя отнюдь не табу в нашем доме. Его по-прежнему обожают все без исключения, а его успехами отец гордится так, словно он его родной сын...

Бессильно вздохнув, сворачиваю на дорогу, ведущую к дому. Здесь воспоминания становятся еще ярче, еще болезненнее. Наверное, я даже знаю, почему — наш последний разговор с Ильей состоялся именно здесь. А теперь благодаря словам отца я знаю, что четыре года относительно спокойного существования подошли к концу. Сводный брат окончил бакалавриат в Ростове-на-Дону, отвергнув предложение папы сделать ему справку, отслужил в армии и вернулся в Москву. Нас больше не разделяют две тысячи километров, и моя вина, настоящая на его молчании и моих собственных душевных терзаниях, теперь ощущается особенно горько.

Это все, конечно, глупости, вызванные моей неуверенностью в себе. Для Ильи все сложилось наилучшим образом, и, вполне возможно, он даже не помнит всего, что я тогда сделала и наговорила. Это для меня тот последний день до его отъезда стал

катастрофой, а для него... Вряд ли. Он ведь никому ничего не рассказал и просто ушел. И, наверное, хотя бы за это я должна быть ему благодарна.

Дом встречает меня тишиной. Я привыкла, что в последние годы здесь было шумно и многолюдно, так что сейчас кажется странным ходить по знакомым с детства комнатам и ощущать лишь гулкую пустоту.

С тех пор как шесть лет назад в нашей с отцом жизни появилась Марина, дом никогда не был тихим. Мачеха любила компанию. Она любила праздники. Она умела их отмечать, вовлекая в процесс не только обитателей дома, но и дальних родственников и даже соседей. К ней постоянно приезжали приятельницы, к Варе — тренеры по плаванию, массажисты и другие специалисты, без которых невозможно представить воспитание ребенка в семье с доходом сильно выше среднего. Марина мастерски организовала жизнь так, чтобы все вокруг были довольны и при деле. Сначала было сложно принять это, но с ней отец, обычно суровый и занятой, действительно стал счастливым. По крайней мере, дома он стал бывать гораздо чаще и, беря пример с Марины, интересовался моими делами в школе. А я... А я, наверное, впервые поняла, что такое настоящая семья — это не просто картинка на доведенном до идеала фотошопом фото для альбома, которые так любила мама, а ощущение теплоты и поддержки. И уверенность, что дома тебя ждут.

Сложный, наверное, даже критический, подростковый возраст я прошла с минимальными потерями благодаря поддержке Марины. Именно она нашла мне хорошего психолога. Окружила заботой. Умело выстраивала хрупкий мостик доверия между нами. Не пыталась заменить мне мать — общалась со мной как со взрослой, на равных, и никогда ни в чем не обвиняла...

Очевидно, что ни до, ни после своего отъезда Илья не рассказывал ей о наших с ним разногласиях. А я даже спустя столько лет испытывала перед мачехой ужасную вину за то, что из-за меня ее сын переехал в другой город к дальним родственникам.

— Анют, приехала? — Звонок папы, которому на телефон наверняка пришло уведомление, что я открыла ворота, заставляет меня вспомнить о цели моего визита.

— Да, пап.

— Код запомнишь, если продиктую?

— Подожди, я поднимусь наверх и сразу вводить буду, — отвечаю я, легко избежая по лестнице на второй этаж, где расположены спальни. — Говори.

Открыв сейф и отыскав нужные бумаги, я делаю снимки каждой страницы для отца и возвращаю все на место.

— Спасибо, — благодарит папа, получив фотографии в мессенджер. — Ты как там сама?

— Все в порядке, пап. Сессию вчера закрыла на отлично.

— Умница! — В голосе отца я улавливаю нотки гордости. — Я же говорил, что при желании горы свернешь, а ты не верила.

— Сверну, сверну, — смеюсь я. — Ладно, я поехала. Не хочу в пробку попасть на обратном пути.

— Люблю тебя, дочка.

— И я тебя, папа.

Дверца сейфа закрывается с глухим щелчком, но вдруг другой шум, неожиданно громко прозвучавший на первом этаже, заставляет меня насторожиться.

Если бы кто-то из обслуживающего персонала должен был прийти в дом, отец бы мне обязательно сказал. А так получается...

Господи, я вообще закрыла за собой ворота?

Судорожно пытаюсь воспроизвести в памяти путь от машины к дому и... Просто не помню. Всегда считалось, что у нас хороший район. Безопасный. Мы все так думали до прошлого года, когда на соседней улице грабители при свете дня обчистили дом бизнесмена, застрелив попавшего под прицел садовника.

После этого случая папа сильно переживал. Добавил по периметру камеры. Подключил внедомственную охрану. Но разве камеры и охрана спасут меня, если кто-то проникнет в дом здесь и сейчас через ворота, которые я оставила открытыми? И даже кричать бессмысленно — вокруг дома разбит сад, до соседнего участка — минимум сто пятьдесят метров.

Вязкие щупальца страха берут меня за горло. Тело прошибает холодный пот. Вышедшее на максимальные обороты сердце разрывает клетку ребер.

Как я могла быть такой беспечной?

Стараясь не издавать лишних звуков, осторожно подхожу к двери и прислушиваюсь. Голоса становятся громче. Они мужские, и их как минимум двое.

Лихорадочным взглядом сканирую комнату, надеясь отыскать какой-нибудь предмет для самообороны, но нахожу лишь фарфоровую статуэтку, которую Марина в прошлом году привезла из Италии. Ерунда для защиты от преступников, но выбрать не приходится.

Хватаю статуэтку дрожащими пальцами и прижимаю к груди. Не уверена, сможет ли эта штука нанести вора́м реальный вред, но остаться совсем беззащитной...

Разговоры стихают. Тяжелые шаги поднимаются вверх по лестнице и замирают на пороге той самой комнаты, в которой я нахожусь. Прижавшись к стене слева от двери, задерживаю дыхание и замахиваюсь.

Скрип петель. Сердце в пятки. Адреналин в кровь. В зону моей видимости попадают широкие плечи, обтянутые черной футболкой, и выстриженный затылок с шапкой темных волос. На первый шаг неизвестного захватчика по паркету я отвечаю резким движением у него из-за спины.

Целюсь в затылок, но рука с зажатой статуэткой обрушивается на плечо — слишком уж высоким оказывается вор.

— Сука, какого хера? — звучит сочное ругательство, а мое запястье моментально попадает в жесткий капкан горячих пальцев.

Этот голос, чужой, но знакомый на каком-то глубоко интуитивном уровне, запускает волну тремора, бегущего по моему телу от макушки до пят. Я цепенею. Фарфоровая статуетка словно увеличивается в объемах и выскальзывает из моих ослабевших пальцев, с звонким треском падает на пол, раскалывается пополам. Я вздрагиваю. Жадно хватаю ртом воздух и шокировано смотрю на широкоплечего мужчину, ощущая, как жжет кожу в том месте, где его ладонь бесцеремонно сжимает мое запястье.

Это не вор. Не захватчик. Это человек, которого я страстно мечтала увидеть все эти годы и одновременно страшно этого боялась. Передо мной стоит мой, несомненно, повзрослевший сводный брат.

— Что ты здесь делаешь? — чужим голосом произношу я, едва оправившись от шока.

Облизываю пересохшие губы, невольно пробегаюсь взглядом по раздавшимся плечам, волево-му подбородку с тенью щетины и пухлым губам, пока, наконец, не сталкиваюсь с пронзительной синевой колючих глаз.

— А ты не понимаешь? — Голос Ильи звучит холодно и надменно.

Непривычно. Раньше он не был таким. Хотя... Наверное, я не очень хорошо помню, каким он был тогда. В те три месяца, что он провел в этом доме, я была отравлена ревностью к нему и Марине, чтобы обращать внимание на детали.

— Можешь отпустить? — прошу я, взглядом указывая на зажатое им запястье, и добавляю в свое оправдание: — Я думала, в дом проникли воры.

На одно короткое мгновение хватка на моей руке становится крепче, доставляя болезненные ощущения, но уже в следующую секунду Илья демонстративно разжимает пальцы и отступает на шаг назад. При этом молчит и так бесцеремонно разглядывает меня, что к щекам стремительно приливает кровь, а сердце заходится уже не от страха, а от совершенно неуместного волнения.

— Тебя, наверное, Марина попросила за документами заехать, — тараторю я, пытаюсь сгладить возникшую неловкость, и смотрю куда угодно, только не на сводного брата. — А меня отец. Но я уже все сделала и им отправила. Так что ты зря...

— Можешь успокоиться, — обрывает он раздраженно, словно слушать мою сбивчивую болтовню выше его сил. — Я все понял.

И снова давящее молчание. Сотни мыслей в голове. Нарастающая нервозность. И Илья надо мной как мрачная гора. Он всегда был выше, а я никогда не была Дюймовочкой, но сейчас разница в нашем росте выглядит почти комично.

— Я все сфотографировала и отправила, — повторяю, ощущая на себе тяжелый взгляд. — Извини.

За что, черт возьми, я извиняюсь? И почему его присутствие так сильно меня нервирует?

Продолжая молчать, Илья опускается на корточки и собирает осколки статуэтки.

— Осторожно ходи без обуви, — командует он, разглядывая пол. — Я скажу Лидии Борисовне, чтобы прибрала тут.

Лидия Борисовна — приходящая экономка. Она работала у нас, еще когда мама была жива. Ильи не было дома четыре года, почему он позволяет себе так запросто распоряжается персоналом?

— Я сама уберу.

— Сама ты этого делать не будешь, — отрезает он жестко.

Я не знаю, почему мои глаза в ответ на эту грубость наполняются слезами. Наверное, дело в его тоне — бескомпромиссном, уничижающем, заставляющем меня вновь ощутить себя глупой девчонкой, которая в очередной ссоре с сводным братом дошла до края и угрожала перерезать себе вены осколком стакана, если он не уйдет...

Та давняя сцена так реалистично проигрывается перед глазами, что я ощущаю признак удушающей паники. Какая ирония: годы терапии пошли под откос от первого же лобового столкновения с прошлым, а ведь я наивно полагала, что давно исцелила свои детские раны.